

А.Г. Назаров

Душа природы

С.Н. Рерих — естествоиспытатель-космист

В истории мировой культуры есть одно необъяснимое явление. Выдающиеся творцы культуры — художники и музыканты, ваятели и зодчие, артисты, писатели и поэты — со страстью и волнением, с упорством и самоуглублением проникают в иные сферы человеческого духа, внешне далекие от творимых ими культурных ценностей. К таким «другим областям» относится наука, традиционно выносимая за скобки так называемых «творческих профессий». Конечно, и в науке предполагается некое творчество, и здесь есть свои гении и таланты, но это творчество как бы другого рода, оно принадлежит отдельным областям и отраслям знаний, да и сама наука существует, как считают многие «творческие работники», для того, чтобы, по крупницам собирая и пополняя копилку знаний, проверять их и передавать знания практике, а на их основе создавать ценности. Но ценности другие, материальные, — из них, по размышлению С.Н. Рериха, и

строится цивилизация с ее ограниченными представлениями о трех основах физического существования, пищей, одеждой и кровом, — которые, «...похоже, остались на том же прискорбном уровне, а все великие достижения материальной цивилизации, как это ни печально, не способны обеспечить основные потребности жизни»¹. Лишь «великое искусство ведет нас к осознанию подлинных ценностей жизни», и «великие сокровища человеческого духа», основа культуры, позволяют «нашему духу возноситься на своих собственных расправленных крыльях земной энергии в более высокие сферы бытия, к более глубоким таинствам жизни, к высшему сознанию»².

Красивые образы, проникновенные слова... Но что такое «высшее сознание»? И может быть, «великие сокровища человеческого духа» как-то причастны к так называемой «материальной» науке? Иначе как объяснить удивительный феномен человеческой культуры: ряд выдающихся создателей мировых культурных, художественных ценностей, с чего мы и начали наше повествование, в какие-то периоды жизни или всю жизнь параллельно увлекаются сферой «сухой науки», из которой традиционно, в обиходном мышлении, изгоняется Святой Дух и методы которой противоположны свободному полету великого искусства? На ум приходят поистине универсальные гении человечества — Леонардо да Винчи, М.В. Ломоносов, В.И. Вернадский... Или композитор и крупный ученый-химик А.П. Бородин, нобелев-

ский лауреат писатель Набоков, известный своими коллекциями в среде ученых-энтомологов. Вспомним страстное увлечение математикой Лермонтова, любовь к логике шахмат композитора Прокофьева, «доски» и «числа» Велимира Хлебникова, — можно умножать примеры такого «раздвоения личности», они хорошо известны. Но наша задача другая, постановка ее почти неизвестна, а решение требует некоторых нетрадиционных в истории культуры подходов.

Чтобы подтвердить принадлежность Святослава Николаевича Рериха к плеяде выдающихся естествоиспытателей-космистов, необходимо доказать, на основе историко-научного анализа имеющихся документальных источников и сохранившегося научного наследия С.Н. Рериха, что художник с мировой известностью практически всю свою жизнь, с раннего детства, увлекался миром живой и неживой природы, и не просто увлекался, как некоторым хобби, но сознательно и постоянно огромным трудолюбием и самообразованием постигал и углублял свои знания в широком круге проблем естествознания, доведя их до высокого профессионального уровня и квалифицированной научной деятельности.

Мне видится в этой титанической подвижнической деятельности Рериха-естествоиспытателя, в его страстной непреходящей приверженности к комплексному естествознанию, в его видении и чувствовании космической «целостности Жизни», «Integraty of Life» — глубокая сущностная причина, та первопричина, что в значительной мере определяла направления его художественного и научного творчества, его философских исканий. Станным образом в исследованиях искусствоведов о творчестве С.Н. Рериха первопричина, о которой мы поведем речь более подробно, никак не выделяется, а его «одна, но пламенная страсть» к естествонаучному исследованию Природы не соотносится с его художественным творчеством. Происходит это, на мой взгляд, оттого, что фундаментальная наука не охватила еще критической научной методологией те области творческого наследия семьи Рерихов, которые доступны современному научному исследованию.

Существующий до сих пор вокруг творений Н.К., Е.И. и С.Н. Рерихов ореол мистического откровения и духовности Живой Этики, недоступный обычным людям, не может служить препятствием к строгому научному анализу тех сторон и результатов деятельности семьи, которые вполне входят в сферу компетенции современной науки. К ним относятся рассматриваемые здесь области естественнонаучных изысканий С.Н. Рериха и, конечно, выдающиеся исследования Ю.Н. Рериха, вошедшие в золотой фонд мирового гуманитарного и частично естественнонаучного знания. Научному анализу, без сомнения, со временем подвергнутся и наиболее сложные для понимания философско-мистические откровения Елены Ивановны Рерих, вошедшие в духовный строй личности ее сыновей и оказавшие на всю семью безграничное и безоговорочное влияние. Наконец, есть еще одна трудность в предпринимаемой попытке введения С.Н. Рериха в круг естествоиспытателей-космистов: недостаточная изученность вопроса, отсутствие систематизированных научных материалов, их разбросанность по разным архиво- и фондохранилищам, от Индии, России, стран Балтии до Америки. Но прошедший 100-летний юбилей С.Н. Рериха вызвал к жизни волну творческой активности в среде научной и художественной общественности, а Международный Центр Рерихов в Москве издал несколько важных для последующего анализа трудов, прежде всего его биографию, первый том писем С.Н. Рериха, сборник воспоминаний о нем, книгу «Искусство и Жизнь» и другие документальные источники³. Кроме них в данной работе использованы результаты нашего предва-

¹ Рерих Святослав. Искусство и Жизнь. М., 2004. С. 137.

² Там же. С. 128, 139.

³ Беликов П.Ф. Святослав Рерих. Жизнь и творчество. М., 2004; Рерих С.Н. Письма. В 2 т. Том 1. 1912—1952. М., 2004.

тельного изучения в октябре — ноябре 2004 года, в период научной командировки в Индию, фондов ныне законсервированного Института Гималайских исследований «Урусвати» в Наггаре, долины Кулу, штат Химачал Прадеш⁴. Существенным подспорьем явилось осмысление опыта личных встреч автора с С.Н. Рерихом в Академии наук во время его бесед с вице-президентом АН СССР академиком А.Л. Яншиным в 1984—1989 гг.⁵ Используются также некоторые документы Отдела рукописей Международного Центра Рерихов в Москве. Однако предстоит еще большая исследовательская работа по сбору, систематизации и научному изучению того обширного пласта рукописных и коллекционных материалов, которые относятся к научному наследию С.Н. Рериха, Н.К. и Ю.Н. Рерихов. В связи с этим данное исследование можно рассматривать только как постановку проблемы, попытку осмысления некоторых концептуальных положений, которые в дальнейшем предстоит насытить новым научным содержанием, или, быть может, найти новые углы зрения, отличные от здесь предложенных. Автор надеется, что создание в содружестве с Международным Центром Рерихов и на его базе Объединенного научного центра проблем космического мышления привлечет большой отряд квалифицированных ученых и специалистов к междисциплинарному исследованию богатейшей сокровищницы культурного и научного наследия великой семьи Рерихов.

«Радость познания... в радостном времени детства»

Эти слова принадлежат не самому Святославу Николаевичу, а одному из величайших ученых человечества, прославившемуся открытием яйца млекопитающих и человека, а также своими выдающимися комплексными экспедициями на заполярную Новую Землю и в пустыни Прикаспия, российскому академику Карлу Максимовичу Бэру, высоко ценимому В.И. Вернадским. Именно к кругу идей естествоиспытателей такого масштаба относятся устремления Святослава Рериха, и мы еще не раз увидим, сколько общих черт объединяет его с творцами фундаментальной науки. Одна из главных объединительных черт — формирование интереса к Природе в самом раннем детстве. Интерес этот крепнет и сохраняется до конца жизни, и примеры К.М. Бэра и С.Н. Рериха — лучшие тому доказательства.

Начиная с младенческого возраста (полтора — два года) и до 8 лет окруженный теплом и заботой, Бэр рос в доме дяди, старшего брата отца, не имевшего своих детей. Лассила, имение старшего Бэра в Эстляндии, «было живописно расположено и отличалось очень разнообразными, привлекательными окрестностями»⁶. Дядя Карла был большим любителем садоводства, а Бэр, как он пишет, «имел честь быть его верным помощником». Причудами дяди в саду были устроены искусственные «Парнас», «Лабиринт» из испанской сирени, «Улитковый ход» из ягодных кустарников, «Змеинный ход» и «Запутанный ход». Эти выдумки, как вспоминает Бэр, действовали на воображение ребенка, вводили его в неизведанный мир природы. Он красочными мазками описывает примыкающую к имению «дикую местность» с холмами, поросшими березовым лесом и темным сосновым бором, где он бегал до изнеможения, собирая растения и окаменелости. Анализируя впечатления раннего детства, Бэр делает важный, с нашей точки зрения, вывод: «Мне кажется, что окрестности Лассилы развили у меня <...> *чувство интереса и любви к природе* <...> Мое первое живое впечатление, которое сохранилось в моей памяти, тоже имеет источником объект природы»⁷.

Как ни странно, Бэр очень подробно и убедительно доказывает на многих страницах «Автобиографии», что формированию интереса к природе и самой личности человека способствует... позднее домашнее обучение ребенка! Заметим, что до 8 лет включительно Бэр не знал ни одной буквы, не умел ни читать, ни писать. Исходя из собственного опыта, он считал, что нельзя сокращать «радостное время детства». «...Родители иногда боятся пропустить время для начала учения их детей, — замечает К.М. Бэр. — Они не обращают внимания на то, что усвоенное с удовольствием дает гораздо более благоприятные результаты, чем изученное с несносным принуждением. Там, где отсутствует радость познания, там вообще результаты бывают невелики и то, что пройдено, скоро забывается»⁸.

«Радость познания» — важнейшее ключевое понятие к характеристике личности Бэра, географа и естествоиспытателя, и многих других натуралистов, включая Святослава Рериха. Читая страницы путевого Каспийского дневника Бэра, мы явственно ощущаем синтез этих двух начал его личности — чувства любви к природе и радости познания ее скрытых тайн. Иначе невозможно объяснить и понять то самопожертвование бу-

дущего ученого, которое он проявлял, исследуя неизведанную природу Новой Земли или глубокой Калмыцкой степи Прикаспия. Бэр умирал на побережье Карского моря, замерзал на кавказских горных перевалах, вернулся из Прикаспия инвалидом, но до конца жизни сохранил неугасимую любовь к природе и радость ее познания.

Самоотверженность и неиссякаемое трудолюбие в познании тайн Природы были свойственны и С.Н. Рериху, корни этих замечательных черт характера будущего естествоиспытателя-художника прорастали вместе с ростками сознания в далеком детстве. Сам Святослав почти не оставил описания своих детских впечатлений (хотя написал более тысячи писем!). Но их хорошо помнила его обожаемая Матушка, его любимый Масик, оставившая потомкам ценные свидетельства о детстве своих сыновей. Святославу еще нет и трех лет, но тяга к познанию Природы уж овладела всем существом юного натуралиста:

«Светкина любовь ко всему живому простирается и на дождевых червей, улиток и прочих мерзостей. Набрал этой гадости целую массу, все ведерки и банки заняты этой коллекцией, и не позволяет выбрасывать»⁹. Эстетические вкусы правнучки¹⁰ Голенищева-Кутузова, возможно, не позволяли с любовью воспринимать «всю эту мерзость и гадость», собираемую ее младшим сыном. Но она не только не препятствовала, но всячески поощряла его увлечения миром природы. Вместе с Николаем Константиновичем Е.И. Рерих была большой почитательницей природы. Вся семья Рерихов постоянно, год за годом выезжала на летние каникулы из Петербурга в соседние губернии, иногда путешествовала за границей. Восприятие детей красоты архитектурных ансамблей Петербурга чередовалось с восприятием красот сельской местности. Биограф семьи Рерихов П.Ф. Беликов, свидетельствам которого мы вполне можем доверять, поскольку сам С.Н. Рерих читал и правил написанную Беликовым его биографию, очень точно и обстоятельно передает неразрывную связь семьи Рерихов с миром Природы, опираясь на письма, воспоминания, труды и другие документальные источники.

«Но не только созданное человеческими руками оказывало на Юрия и Святослава свое влияние, приобщая их к прекрасному. Николай Константинович и Елена Ивановна проводили много времени среди природы и учили детей любить и понимать этот всеобщий первоисточник Красоты и Мудрости. Каждое лето Рерихи выезжали на несколько ме-

сяцев из города, причем предпочтение отдавалось уединенным местам в Псковской, Тверской, Новгородской губерниях. (Неподалеку, под Новгородом, в имении матери Онег, проходило и детство С.В. Рахманинова. — А.Н.) Зачастую выбор места зависел от археологических изысканий или творческих поездок Николая Константиновича. Иногда эти поездки вводили в Прибалтику, Финляндию или дальше в зарубежные страны. Так, первое лето своей жизни (1905 г. — А.Н.) Святослав провел в местечке Березка бывшей Тверской губернии, недалеко от Бологого, а на второе оказался с матерью и старшим братом в Швейцарии»¹¹.

После «поездок на природу» детская комната в петербургской квартире Рерихов наполнялась коллекциями минералов, жуков, бабочек, гербариями, определителями растений и животных. Все это обрабатывалось сначала вместе родителями и детьми, а позже перешло полностью в ведение Святослава и Юрия. Старшего (на два года) брата Юрия больше интересовали история, археология и изучение языков, младшего — живая природа и рисование.

«У меня <...> рано пробудился интерес к естественным наукам, — вспоминал С.Н. Рерих. — Я очень интересовался орнитологией, зоологией. Елена Ивановна собирала мне все книги, которые могла найти. Она покупала нам чучела птиц, собирала с нами коллекции насекомых. Кроме того, меня привлекали красивые камни, минералогия. Она помогала собирать уральские и другие камни. И у меня с детства образовалась большая коллекция, в которую вошли коллекции моего отца и его братьев, собранные ими в студенческие годы. Таким образом, наш маленький детский мир был насыщен большими и замечательными впечатлениями»¹².

Эти впечатления множились, развивались, общение с природой становилось настоящей потребностью. К лету 1914 г., когда Святославу шел десятый год, он уже немало повидал на своем еще маленьком веку. Финляндия, Швейцария, побережье Балтийского моря (Хаапсалу), Бологое, Смоленск и Талашкино в его окрестностях, где Н.К. Рерих проводил раскопки и расписывал храм, Павловск под Петербургом — это лишь временные, более или менее длительные остановки на бесконечном пути развития юного естествоиспытателя и начинающего художника. Святослав уже опытный собиратель коллекций; обладая исключительной, можно сказать, феноменальной памятью (в чем мы смогли убедиться при личных встречах в 1980-х гг. в Москве), он знает названия

⁴ Journal of the Urusvati Himalayan Research Institute. Vol. 1—3. International Roerich Memorial Trust. New Delhi, India, 2003. (Foreword by Lokesh Chandra).

⁵ См.: Назаров А.Г. С.Н. Рерих — естествоиспытатель. Воспоминания о С.Н. Рерихе. М., 2004. С. 107—113.

⁶ Бэр К.М. Автобиография. Пер. с нем. Б. Райкова. М.-Л., 1951.

⁷ Там же. С. 45. Курсив мой. — А.Н.

⁸ Там же. С. 51.

⁹ Из письма Е.И. Рерих Н.К. Рериху. Между 1906 и 1907 гг. Цит. по: Беликов П.Ф. Святослав Рерих. Жизнь и творчество. С. 19.

¹⁰ Прадед Е.И. Рерих Иван Васильевич Голенищев-Кутузов приходился М.И. Голенищеву-Кутузову, Светлейшему Князю Смоленскому, двоюродным братом (Отдел рукописей МЦР. Ф. 1, оп. 1, № 7048). — Прим. ред.

¹¹ Беликов П.Ф. Святослав Рерих. Жизнь и творчество. С. 20—21.

¹² Из выступления С.Н. Рериха 20 января 1975 г. в Доме ученых (Ленинград). Отдел рукописей МЦР. Ф. 1, д. (вр. №) 894.

многих растений, бабочек, жуков и многих десятков, если не сотен различных минералов.

Но богатство впечатлений, подчеркивает П.Ф. Беликов, формировалось не только от сбора коллекций. Оно рождалось «красотой деревенских просторов, морских далей, северных озер и лесов, накапливалось и закреплялось в частых совместных с отцом, матерью и братом прогулках. Юрий и Святослав выходили на них с тетрадями для зарисовок, сачками для ловли бабочек и стрекоз, папками для гербариев. Елена Ивановна — с фотоаппаратом, Николай Константинович — с мольбертом и красками. Первые уроки рисования с натуры Святославу посчастливилось получить не только <...> в стенах рисовального класса, но и среди яркой живой природы в сопровождении увлекательных рассказов отца и матери <...> Так развивалась наблюдательность детей, выявлялись их наклонности, пробуждались творческие силы»¹³.

О раннем пробуждении творческих сил Святослава и его так поражающей многих острой наблюдательности свидетельствуют заметки и письма его родителей и удивительные письма самого юного Рериха. Часть его самых ранних писем сохранилась в фонде Н.К. Рериха Отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи¹⁴. Вот одно из самых ранних писем шестилетнего Святослава:

«Милый папа, прости, что я тебе не писал. А не писал тебе потому, что я учусь полчаса по-немецки и час по-русски... Мама купила щенка, а Коля принес ежей. У нас был сильный град и дождь вместе, и я собирал град и очень большой. Шарик от града — я его хотел спрятать, но град растаял, и образовалась вода»¹⁵.

И еще одно письмо Святослава, восьмилетнего натуралиста. Поразительны пытливость и наблюдательность мальчика, и как будущего естествоиспытателя, и как художника, с детских лет наделенного способностью впитывать в себя присущую Природе богатую палитру красок:

«Милый Папочка. Я сейчас пишу тебе письмо, а в нашем саду страшный ветер и гроза... Мы сегодня поймали стрекозу, крылья у нее ультрамарин-блау. Грудь у нее отликает золотым, брюшко ее отликает синим, зеленым и желто-зеленым. У нас есть большой огород, все в нем распустилось. Не видно ли на горах диких козлов? Какие жуки и камни? На моем огороде растут подсолнухи, редиска, укроп и картофель. У Юрика <...> шпинат, лук, морковь, салат, японский газон, горох и картофель... Твой Света»¹⁶.

¹³ Беликов П.Ф. Святослав Рерих. Жизнь и творчество. С. 23.

¹⁴ Архив ГТГ, ф. 44.

¹⁵ Письмо С.Н. Рериха Н.К. Рериху [1910 г.]. Отдел рукописей ГТГ. Ф. 44, д. № 1233.

¹⁶ Письмо С.Н. Рериха Н.К. Рериху от 18 июня [1912 г.] / Рерих С.Н. Письма. Т. 1. С. 35; Отдел рукописей ГТГ. Ф. 44, д. 1231 (предположительная датировка: 18 июня [1913 г.]).

¹⁷ Рерих Н.К. Неотпитая Чаша / Рерих Н.К. Цветы Мории. Пути Благодословения. Сердце Азии. Рига, 1922. С. 70.

Уже в раннем детстве Святослав любит систематизировать, измерять, описывать объекты живой и неживой природы — эти навыки ему пригодятся в дальнейшем, во время жизни и работы в Гималаях.

Безмятежная радостная пора детства закончилась для Святослава Рериха в 1914 году. «Война» — это страшное слово и последовавшие за ним события изменили весь уклад жизни семьи Рерихов, предопределили их отъезд из России. В 1915 г. Н.К. Рерих перенес воспаление легких с тяжелыми осложнениями. Врачи опасались за его жизнь, советовали ехать на лечение в Крым. Но Н.К. Рерих выбрал Валдай, в глухих местах этого благодатного озерного края семья Рерихов жила летние месяцы 1915—1916 гг. Глава семьи думал не столько о себе, но о своей семье, особенно о сыновьях. Он по своему опыту знал, что лучшим лекарством от тревоги, сумятицы, озлобленности военных лет служит общение с Природой. Из нее человек черпает силы, обретает гармонию и душевное равновесие.

Великим учителем Жизни называл Природу Николай Константинович Рерих. Он посвятил Природе вдохновенные гимны в своих художественных полотнах и литературно-философских произведениях. В семейном кругу он читал своим мальчикам валдайские странички: «...там, где природа крепка, где недра нетронуты, там и сущность народа тверда, без смятения»¹⁷. Этими словами он хотел укрепить дух и волю своих сыновей, веру в свою Родину, оградить их от неуверенности, растерянности и шаткости в трудное для России время.

Но настало трудное время и для самой семьи. Осенью 1916 г. по возвращении из Валдая в Петербург здоровье Николая Константиновича резко ухудшилось. Он вынужден был по требованию врачей отойти от дел и переменить климат. Рерих выбирает целебный воздух Карелии, и в декабре 1916 г. семья переезжает в тихий Сердоболь, нынешнюю Сортавалу на Ладого. Казалось, что Николай Константинович скоро поправится и они вернуться; отец даже не слагал с себя обязанности директора Школы Императорского Общества Поощрения художеств в Петербурге. Святослав Рерих не мог даже подумать, что для него в 12 лет начнется новая жизнь и он никогда больше не вернется жить на Родину. Лишь через 45 лет он снова увидит — и не узнает — Россию, новую страну, Советский Союз, куда он будет приезжать как гость, навсегда связав свою жизнь с Индией, но в помыслах и деятельности своей обращаясь к своей Родине — России.

«С природой нужно сжиться...» Карельский период становления личности С.Н. Рериха

В финской Карелии Рерихи прожили два с половиной года, до весны 1919 г. включительно. Вначале в Сортавале, с 1916 до весны 1918 г. В мае 1918 г., когда Финляндией были разорваны дипломатические отношения с советской Россией и проведена новая государственная граница, отрезавшая Рерихов и все русское население от их Родины, они поселились на малонаселенном островке Тулолансаари, или Тулола, как его называли местные жители. К концу 1918 г. здоровье Н.К. Рериха улучшилось, семья переехала в Выборг, а к лету 1919 г. покинула Финляндию.

Такова внешняя канва этого важнейшего периода в становлении личности и мировоззрения С.Н. Рериха. В работах о творчестве художника этому периоду уделяется мало внимания: писем Святослава в эти годы не сохранилось, возможно, их и не было, и для воссоздания напряженной внутренней жизни быстро взрослеющего юноши необходим скрупулезный анализ творчества его родителей и более поздних литературных работ и выступлений самого Святослава Николаевича. Эту работу — пусть не всю, но значительную ее часть, — проделал его биограф Павел Федорович Беликов, при деятельном участии самого С.Н. Рериха, прочитавшего все страницы текста будущей биографии и внесшего поправки и дополнения. Проведенный нами анализ текстов биографической книги П.Ф. Беликова и источников, принадлежащих перу и слову С.Н. Рериха, показал, что описываемый период жизни юноши Святослава, которому мы придаем исключительное значение, представлен П.Ф. Беликовым наиболее полно и, главное, достоверно. Некоторые мировоззренческие высказывания и характеристики С.Н. Рериха, приведенные биографом, полностью совпадают с высказываниями самого Рериха из его литературно-философских дневниковых заметок, написанных на английском языке в 1950-е годы¹⁸. Все это дает нам основание использовать работу П.Ф. Беликова как ценный документальный источник в попытке осмысления и историко-научного анализа карельского этапа как переломного рубежа в последующей творческой деятельности С.Н. Рериха — естествоиспытателя и художника.

В Карелии семья Рерихов вела уединенный образ жизни. Но внешняя изоляция еще теснее сплотила детей и родителей. Теперь они были

вместе, обсуждали прочитанное и делились впечатлениями. Отец писал картины и этюды, дети имели возможность наблюдать весь творческий процесс. Н.К. Рерих начал профессионально обучать Святослава тайнам живописи, стараясь уберечь его от слепого подражательства. В 13 лет Святослав создает первые портреты своего отца: два рисунка углем, и один — маслом на деревянной доске.

Но была еще одна тайна, она охватывала все существо юного художника, наполняла его восторгом и благоговением, это был первоисточник, из которого он черпал силы духа и в пору своей карельской юности, и в зрелости, когда стал признанным мастером. С какой любовью он пишет о карельской породе своего детства в письме к П.Ф. Беликову и какое огромное значение он сам придавал этому периоду формирования своей личности и самостоятельного мышления¹⁹.

До Карелии выезды из городского дома на природу были лишь подготовкой к постижению детьми подлинных ценностей Матери-Природы. «С природой нужно сжиться, — передает мысли С.Н. Рериха П.Ф. Беликов, — чтобы впитать в себя ее ритмы, войти в круговорот ее чудесных превращений, познать глубину ее таинств и сродниться с нею. Нужны годы для того, чтобы почувствовать гармонию в бесконечном разнообразии природы, найти в ней свое место, свое, завоеванное в трудах право — отражать в человеческом «я» великий смысл необъятного Бытия. И все это необходимо сделать смолodu, ибо с годами притупляется острота восприятия и ощущение общности человека со всем живым может потеряться или даже вообще не возникнуть»²⁰.

Это творческое сredo единения с Природой сформировалось у Святослава Николаевича именно в Карелии, и он навсегда проникся благодарностью к этому удивительному краю. Позже, в 1950-е годы, возвращаясь мыслью к далекой юности, он самостоятельно приходит к осознанию того чувства и мировоззренческого принципа, которое необходимо для каждого подлинного творца: *чувства единства со всем Суущим*.

Прежде чем мы подробнее рассмотрим сущность «принципа Единства» и сопоставим поразительные философские искания С.Н. Рериха с мыслями двух других подлинных творцов науки и искусства, В.И. Вернадского и С.В. Рахманинова, отметим ряд черт личности Святослава Рериха, приобретенных им в пору карельской юности.

Суровая красота карельских водных просторов, покрытых мохом валунов и кажущихся бесконечными лесных далей, холмов и перелесков,

полное уединение среди природы не только будили воображение и оттачивали наблюдательность не по годам развитого юноши, но и приучали его к сосредоточенности, к постоянному размышлению, к внутренней самодисциплине. Единение с духовно развитыми отцом и матерью, посещение скитов на Валааме, общение со схимниками, погружение в тайны циклов развития Природы приводили к потребности самоуглубления, поиска собственного пути в жизни и в искусстве. Конечно, неоценимое значение в этот период физического и духовного роста имело постоянное общение Святослава и Юрия с родителями. Они привили детям любовь к труду, постоянную внутреннюю собранность, высокую работоспособность и нетерпимость к пустой трате времени. На острове Тулола они собирались по вечерам, чтобы слушать чтение написанной Н.К. Рерихом в Карелии аллегорической повести «Пламя», основанной на фактах биографии Николая Константиновича. И заветные мечты старшего Рериха, и особенности его творческого метода в искусстве и в науке, и чувство его единения с Матерью-Природой, и ожидаемые перспективы близкого и отдаленного будущего — все это захватывало ребят, возбуждало желание собственного творчества и предчувствие радости новых открытий.

Среди них на одном из первых мест стояло посещение Индии и изучение культуры Востока. Прошло более четырех с половиной лет, прежде чем Рерихи смогли осуществить свой замысел, но это были не потерянные годы. Юрий и Святослав закончили свое обучение в Лондоне, США и в Париже, для Н.К. Рериха это были годы персональных выставок в Скандинавии, Европе и Америке, укрепления его всемирной известности как художника, Елена Ивановна все более погружалась в изучение философской мысли и религии Востока... Но к концу их вынужденного более чем четырехлетнего перерыва в общении и единении с «Матерью-Природой» все больше давала себя знать поселившаяся внутри каждого из них какая-то неясная тоска, какое-то непреходящее, неизбывное чувство, какой-то манящий зов. К чему? К кому? Их манила Индия, но не только она. Их звали новые дали, новые горизонты. Новые лики Природы. Прочь, прочь из шумных городов Европы и Америки, и из больших городов-муравейников Индии — они прибыли в Бомбей на корабле 30 ноября 1923 года²¹, но уже в конце декабря, прервав искусства созерцания предметов древнейшей культуры, предстали перед «Ликом Гималаев». Их звало в Гималаи неведомое могучее чувство — чувство Природы. Или что-то другое, а «чувство природы» — лишь миф, иллюзорность?

В.И. Вернадский: «чувство природы есть состояние души...»

И зучая историю науки и оценивая творческий в последнее десятилетие жизни подошел к концептуальному осмыслению так называемого «чувства природы» или «любви к природе». По его мнению, это *состояние души* было свойственно многим крупным естествоиспытателям — Ж.Л.Л. Бюффону, Ж.Б. Ламарку, Ж. Кювье, М.В. Ломоносову, К.М. Бэр, А. Гумбольдту, В.В. Докучаеву и др. Но наиболее ярко и полно это состояние «любви к природе» описано В.И. Вернадским в воспоминаниях о крупном ученом, академике А.П. Павлове, которого он знал около 40 лет. К этой же плеяде естествоиспытателей, наделенных особым «состоянием души», мы относим С.Н. Рериха.

«Художественные интересы и художественные склад личности А.П. [Павлова], — пишет В.И. Вернадский, — ярко и глубоко проявились еще в одной области духовной жизни, которую часто не объединяют с живописью, с ваиянием, с зодчеством, с музыкой, с поэзией и с изящной литературой, но которая, мне кажется, целиком входит в этот круг проявлений личности и играет крупную роль как раз в жизни и в творчестве натуралистов. Я говорю о так называемой «любви к природе», о том глубочайшем иногда переживании, которое испытывает человек при созерцании окружающего мира, вне связи с отражением в нем нашей культуры».

В истории естествознания любовь к природе, чувство природы, считает Вернадский, играли и играют огромную роль. В любой работе всегда есть огромный эстетический элемент, без которого она превращается в сухую схоластику. Натуралист-наблюдатель эту эстетическую сторону находит в том общении с красотой Космоса, какое он испытывает при работе в поле, вдали от человеческих скоплений «вне своего муравейника»: гуманитарий — в воссоздании забытого, былого; астроном — в созерцании звездного неба; математик — в стройных идеальных построениях разума.

«Я думаю, — подходит к выводу В.И. Вернадский, — что эта эстетическая сторона научной работы натуралиста-наблюдателя, связанная с путешествиями, скитаниями, с жизнью вне людских скоплений, с творческой мыслью в этой необычной для нашего быта обстановке, явилась решающей в выборе Алексеем Петровичем пути жизни. Он выбрал его как художник. Он нашел в научном творчестве среди вольной природы большее

¹⁸ См.: Art and Life by Svetoslav Roerich. Moscow, 2004. То же, перевод на русск. яз.: Рерих С. Искусство и Жизнь. М., 2004.

¹⁹ Письмо С.Н. Рериха П.Ф. Беликову от 21 августа 1974 г. / Непрерывное восхождение. Т. I. М., 2001. С. 181.

²⁰ Беликов П.Ф. Святослав Рерих. Жизнь и творчество. С. 37—38.

²¹ По уточненным данным Отдела рукописей МЦР — 2 декабря 1923 года. — Прим. ред.

удовлетворение <...> И, может быть, в этой эстетической работе геолога и в том, что ему давала природа, когда он с нею был один, он поднимался выше искусства, глубже познавал мир, чем мог это сделать, если бы отдался другим формам художественного творчества <...> Он сохранил эту способность до конца жизни (курсив мой. — А.Н.)»²².

Из текста В.И. Вернадского, отражающего собственное его *specto*, вытекает ряд важных заключений, определяющих контуры концепции чувства природы:

1. Чувство природы («любовь к природе») представляет самостоятельную область духовной жизни человека, соизмеримую с другими областями его духовной деятельности — музыкой, религией, искусством.

2. Чувство природы — единства человека с окружающим, со всем сущим, с Мирозданием — является особым духовным состоянием человека, играет огромную роль в его творческой деятельности, способно вызывать глубокие переживания, охватывающие все существо человека. Чувство природы целиком несводимо к различным формам художественного творчества в разнообразных видах искусств.

3. Непрерывная связь с природой и творческая деятельность человека наедине с нею способствуют более глубокому постижению ок-

ружающего мира, и в этом отношении чувство природы как наиболее глубинная, первичная сущность человека, по В.И. Вернадскому, может быть выше искусства.

4. Эстетической стороной поддержания и постоянного «воспроизводства» в человеке чувства природы служит «общение с красотой Космоса», с миром видимой, слышимой, ощущаемой, полностью не выразимой в слове Природы.

Чувство природы, неразрывной ей сопричастности, чувство любви к природе от рождения присуще всем или большинству людей. Но только у высокоодаренных творческих натур любовь к природе становится *деятельностным началом*, выражается в созидательном акте творения. К таким личностям относятся и К.М. Бэр, и В.И. Вернадский, и С.В. Рахманинов, и другие гении человечества.

Концептуальные положения В.И. Вернадского, отражающие его многолетние раздумья над природой творчества, по-видимому, отражают общую закономерность и могут быть отнесены ко всем или большинству творческих личностей. Богатый материал для размышлений о чувстве природы содержится в творчестве С.В. Рахманинова²³, музыка которого была близка семье Рерихов, а пластинка с записью его произведений перенесла с ними все тяготы Центрально-Азиатской экспедиции.

Когда С.В. Рахманинова попросили ответить на вопрос «Что такое музыка?», он ответил поэтическими строками²⁴:

*Что такое музыка?!
Это тихая лунная ночь;
Это шелест живых листьев;
Это отдаленный вечерний звон;
Это то, что рождается от сердца и идет
к сердцу;
Это любовь! Сестра музыки это поэзия, а мать
ее грусть.*

«Шелест живых листьев»... Для Рахманинова чувство живой природы — жизни, освященной любовью, которая рождается в сердце и идет к другим сердцам, — входит в сущностную первооснову музыки. К природному отнесем и «тихую лунную ночь», и «отдаленный вечерний звон».

Но как *услышать* в музыке Рахманинова шелест листьев, и слабое дуновение ветерка, и безмолвие лунной ночи, и бескрайний простор российского Черноземья с мягкими холмами-увалами, островками лесов и перелес-

Коллекция черепов гималайских животных, собранная в 1930-е годы. Фонды Института «Урусвати». Фото автора, ноябрь 2004 г.

²² Вернадский В.И. (1930). Памяти Академика Алексея Петровича Павлова / *Вернадский В.И.* Статьи об ученых и их творчестве. М., 1997. С. 262—263. Там же (дополнение): Несколько слов памяти А.П. Павлова (1940). С. 266—268.

²³ Назаров А.Г. Чувство природы в научном наследии В.И. Вернадского и музыке С.В. Рахманинова / Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция ИИЕТ РАН — 2004. М., 2004. С. 91—106.

²⁴ Сатина С.А. Рахманинов: к 25-летию со дня кончины // Новый журнал. Кн. 91. Нью-Йорк, 1968. С. 115—128.

Институт «Урусвати», центральный вход. Фото автора, ноябрь 2004 г.

ками, как выразить в звуке сменяющуюся череду тамбовских далей с двумя и тремя горизонтами, причудливый полет первых падающих снежинок или тающий отзвук едва слышимой робкой капли? Все это есть в бессмертной музыке Рахманинова. Есть великое обостренное чувство природы, научно осмысленное Вернадским. Но услышать и понять это чувство непросто. Оно глубоко личное и направлено «от сердца к сердцу», к душе человека, к его чувству, а не к рассудочному разуму. Привязанность Рахманинова, как и Святослава Рериха, к суровой, глубоко поэтической природе русского Севера зародилась в детстве и отрочестве, в имении его матери Онег, на Волхове, близ Новгорода. «Творческая мысль его не раз впоследствии вдохновлялась образами русской природы, — пишет исследователь творчества Рахманинова. — От тех лет, надо думать, идет и любовь к русской народной песне. В стенах древнего Новгорода возникла и любовь к русской старине, к древним обрядовым напевам, в кото-

рых Рахманинов всегда отмечал национальные народно-песенные истоки»²⁵.

Есть все основания полагать, что композитор рассматривал природу более широко: с нею у него ассоциировались и русская народная песня, и древние русские церковные обрядовые напевы (обиход), корнями уходящие в языческие славянские образы природы. Вместе с образами русской природы они отождествлялись для Рахманинова символ русского характера, русской души, символ «русскости», выражаемой в музыкальной ткани его произведений напевными мелодическими темами и их разработками.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что в творчестве С.В. Рахманинова мотивы и образы русской природы прямо или опосредованно раскрывают русский национальный характер, широту русской души и бескрайность российских просторов. Какое же главное чувство, или эстетическое качество природы, выделяется самим Рахманиновым, как оно используется в

²⁵ Назаров А.Г. Чувство природы в научном наследии В.И. Вернадского и музыке С.В. Рахманинова. С. 102—103.

музыке и в чем состоит смысл «чувства природы», обоснованного В.И. Вернадским в качестве научно-познавательной и эстетической категории?

Композитор так говорит об источниках вдохновения в музыке:

«Очень трудно анализировать источник, вдохновляющий творчество. Так много факторов действуют здесь сообща. И, конечно, любовь, любовь — никогда не ослабевающий источник вдохновения: она вдохновляет как ничто другое...

Помогают творчеству красота и величие природы (курсив мой. — А.Н.)»²⁶.

Таким образом, красота и величие (величественность) природы, заключенные в музыкальной ткани многих произведений Сергея Васильевича Рахманинова, служат одним из главных источников музыкального творчества и вдохновения композитора.

Как это близко к восприятию красоты мира Природы С.Н. Рериха!

В своих дневниковых заметках Святослав Николаевич, словно услышав мысли его великих соотечественников, Вернадского и Рахманинова, записывает:

«Красота — великая движущая сила нашей жизни, все царства природы стремятся к совершенству, стремятся к красоте». И там же: «И точно так же, как природа стремится к красоте, так и мы должны умножать предметы красоты, следуя велениям природы»²⁷.

Способы «умножения предметов красоты» для С.Н. Рериха были равноценны и нераздельны: искусство и научное постижение Природы. В том же дневнике среди его записей содержится поразительное по глубине высказывание, которое необходимо рассмотреть особо:

«Служение искусству подобно служению Богу. Находят свое воплощение высшие человеческие побуждения, когда художник поклоняется высочайшей сфере духовной глубины,

самому сердцу нашей проявленной Вселенной. Это молитва веры, осознание своего единства со всем сущим».

Это осознание своего единства со всем сущим означает, прежде всего, осознание себя, человека, частью окружающего мира Природы, планетарной биосферы Вернадского, того безграничного вселенского Космоса, что сами Рерихи называли собирательным именем Матери-Природы. Именно в этом признании единства всего сущего и происходит у Святослава Рериха слияние науки и искусства, высшего духовного и природного, но природного не столько физического, а заключающего в себе духовное по своей сути *чувство природы*.

Лик Гималаев

«Лик Гималаев» — знаменитая картина Н.К. Рериха, написанная в 1934 г., десятилетием позже прибытия Рерихов в Восточные Гималаи; она более известна под названием «Великий дух Гималаев». Поселившись в уединенном старом доме, расположенном на холме со столетними кедрами, за окраинами полукоммерческого Дарджилинга, мирового центра чайных плантаций²⁸, Рерихи могли каждое утро любоваться видом гималайской цепи гор, открывающейся восхищенному взору. Десять месяцев они прожили в Сиккиме, до организации Центрально-Азиатской экспедиции и отъезда в растянувшееся на несколько лет путешествие, где только чудом остались живы. Но до Центрально-Азиатской были еще три экспедиции в горные районы Сиккима, Непала и Бутана²⁹. Это те области Гималаев, где сходились древнейшие пути миграции, культурного и хозяйственного общения народов Азии. К сожалению, документальных источников об этих экспедициях, в которых участвовал и Святослав Рерих, сохранилось мало, хотя именно они послужили фундаментом первой самостоятельной научно-исследовательской работы Святослава Рериха, первых научных трудов по лингвистике, истории культуры и филологии Юрия Рериха и обращения к гималайской тематике, ставшей основой художественного творчества, Николая Рериха.

Десятилетним естествоиспытателем в восточно-гималайских экспедициях собрал первые ценные коллекции и гербарии лекарственных

растений, которые использовались в народной медицине Тибета и Непала. В сохранившемся письме к Владимиру Анатольевичу Шибаеву³⁰, впоследствии ответственному секретарю Института Гималайских исследований, С.Н. Рерих приводит краткую характеристику первых лечебных экспедиционных сборов:

— терпкие, богатые танином плоды горных растений используются против простудных заболеваний;

— красная кора издавна известна как сильный антисептик;

— красный рододендрон — хорошее желудочное средство;

— касторовое масло, *Nux Vomica* (*Strychnous nux vomica*) — для стрихнина и лекарств (сырье для него чилибуха — рвотный орех);

Мельница для перемалывания растительного сырья и приготовления лекарственных препаратов. Фото автора, октябрь 2004 г.

— медвежья желчь, *Bears Bile* — для лекарств и препаратов против ревматизма, ишиаса, подагры и т. п.;

— мускус, *Musk*, один из самых лучших и известных продуктов из Индии.

Перечисляются также шафран, травы для изготовления различных красящих веществ; приводятся сведения о сырье для духов и других парфюмерных изделий, ценимых в Европе.

²⁸ Сорт зеленого чая «Дарджилинг», произрастающий в Гималаях (Сикким) и имеющий золотистый цвет напитка, считается одним из самых лучших в мире сортов зеленого чая.

²⁹ В книге Н.К. Рериха «Алтай—Гималаи» все эти маршруты включены в Центрально-Азиатскую экспедицию. — Прим. ред.

³⁰ Подлинник письма С.Н. Рериха В.А. Шибаеву (без даты) 1924 г. хранится, по свидетельству П.Ф. Беликова, в архиве Г.Р. Рудзите (Рига, Латвия). Здесь нами использованы сведения из биографии С. Рериха: *Беликов П.Ф. Святослав Рерих. Жизнь и творчество*. С. 59, 67.

Здание биохимической лаборатории Института «Урусвати». Фото автора, ноябрь 2004 г.

Библиотека научной литературы и сборы лекарственных растений в склянках с притертыми пробками. Фонды Института «Урусвати». Фото автора, ноябрь 2004 г.

Поразительна пытливість молодого натуралиста и его обширные знания, позволявшие ему свободно ориентироваться в двадцатые годы прошлого века в сложных вопросах систематики и местообитания растений и животных, которые в современной науке относятся к сфере деятельности нескольких биологических дисциплин, в большей мере к экологии. Вот один лишь пример, а их можно приводить десятки, если не сотни.

В письме к В.А. Шибяеву С.Н. Рерих, после приведенных выше сведений о лекарственных растениях, пишет: «И, наконец, самый известный продукт, о котором я Вам уже писал, это мускус (Musk). Советую Вам обратить внимание на это дело, ведь мускус ищут “днем с огнем”, и мне случайно удалось найти источник. Тот мускус, т.е. который Вам будет послан, самый лучший сорт, без всяких фальсификаций, ибо идет от своих людей, а не из чужих рук. Итак — действуйте, узнавайте, наводите справки, а я всегда готов помочь Вам, в чем бы это ни заключалось».

Рерих вначале не знал точной зоологической систематики мускусных животных, возможно, что 80 лет назад она и не была еще подробно разработана. Но он в письме указывает название Civet, и этого вполне достаточно для современно-

го биолога, чтобы разобраться в существе вопроса. Цивета, в современной классификации, относится к млекопитающим, к семейству виверровых (Viverridae), отряду хищных. Изящные, стройные животные, обитающие в кустарниках, некоторые виды — на деревьях. Сохранился 71 вид, 35 родов; четыре вида и один подвид занесены в Красную книгу Международного союза охраны природы. Они служат объектом интенсивной охоты (для извлечения мускусных желез и использования мускуса). Циветы, или виверры, о которых пишет Святослав Рерих, относятся к роду виверровых (Viverra) и насчитывают в Южной Индии и Гималаях всего 4 вида. Следовательно, мы можем сузить поиски и отыскать искомую цивету, или виверру, из семейства виверровых, которая имеет точное название гималайская цивета или Paguma³¹.

Святослав Рерих и позже интересуется судьбой мускусных животных в Индии и с сожалением в одном из писем говорит о том, что мускусный баран в Гималаях почти исчез, весь выбит, что редко можно встретить и других крупных животных, таких, как гималайский медведь или леопард, — шкуры их он выкупил у местных охотников.

В период Центрально-Азиатской экспедиции (1925—1928 гг.)³² его родителей и старшего брата младший Рерих надежно прикрывал «тылы». Его организаторские способности проявились в полной мере: в Америке его избирают вице-президентом Музея Н.К. Рериха в Нью-Йорке, он ищет материальные возможности повышения доходов семьи и обретения ею независимого финансового положения. Он внимательно изучает рынки лекарственных растений и различных фармацевтических препаратов Индии и других стран Востока. Увлечение естественными науками он хочет совместить с практической и коммерческой деятельностью. Но долгие годы это сделать не удастся: организация экспорта сырья для изготовления лекарств из Индии в западные страны требует иных масштабов и, главное, большой исследовательской работы в самой Индии, в районах произрастания лекарственных растений, в первую очередь тибетских. А это значит — Гималаи, высокогорные области, организация экспедиций во главе с крупными учеными и специалистами. Созревала новая, необычная для того времени идея. Толчком к ее осуществлению явилось успешное завершение Центрально-Азиатской экспедиции³³.

Шкуры гималайского медведя и леопарда, приобретенные С.Н. Рерихом в 1935 — 1936 гг. Фонды Института «Урусвати». Фото автора, ноябрь 2004 г.

«Урусвати»: Свет Утренней Звезды в Божественной долине

Азиатская экспедиция принесла отцу и сыну Рерихам, Николаю Константиновичу и Юрию Николаевичу, большую известность как ученым. Были собраны уникальные данные, коллекции, которые требовали научного осмысления и дальнейшей обработки. Когда, вырвавшись из «тибетского плена», экспедиция через высочайшие гималайские перевалы возвратилась в Сикким и в мае 1928 г. вся семья после долгой разлуки вновь воссоединилась в доме «Талай-Пхо-Бранг»³⁴ под Дарджилингом, встал вопрос: что делать дальше? Как продолжить с таким трудом начатую работу? Подспудно вызревавшая идея после двухмесячной интенсивной переписки и возобновления научных контактов с научными организациями в Азии, Европе и Америке обрела отчетливую организационную форму: институт в Гималаях. Но институт нового типа — комплексный, с широким международным участием. С изучением сокрытых тайн и красоты Природы, материальных памятников древних цивилизаций и... тайн Духа. Духовных ценностей. Беспредельности Бытия и Космоса.

Открытие института состоялось в Дарджилинге 12 июля 1928 года. Он получил официальное название — Гималайский институт научных исследований «Урусвати». «Урусвати» — в переводе с санскрита — Свет Утренней Звезды. Президентом-основателем института стал Н.К. Рерих, почетным президентом — Елена Ивановна Рерих, директором — Юрий Николаевич

Рерих. Необычайные способности к языкам (он изучил более 30 европейских и восточных языков и диалектов) и преданность науке снискали 26-летнему ученому широкое признание и уважение среди востоковедов. Святослав Николаевич взял на себя непосредственное руководство рядом секторов отдела естественных наук и прикладных исследований (ботаника, орнитология, фармакопоя, кристаллография, тибетская медицина), а также руководил исследованиями по истории искусств и культуры народов Азии. Секретарем института был приглашен из Риги В.А. Шибяев.

Первые же организационные хлопоты показали, что торговый шумный Дарджилинг — не место для задуманного института. Вопрос о переводе Института «Урусвати» решился в пользу долины Кулу в Западных Гималаях, на границе с Малым Тибетом. Это место порекомендовал Рерихам известный альпинист Чарльз Брюс, совершивший несколько восхождений на высочайшую вершину мира Джомолунгму (Эверест). «Божественная долина», где зарождались древнейшие цивилизации и, по преданию, жил Риши Вьяса — легендарный автор индийского эпоса «Махабхарата»³⁵, с ее здоровым климатом, природным, историко-культурным, религиозным и этнографическим разнообразием, словно ждала, когда Свет Утренней Звезды озарит новым сиянием науки, культуры и духовных постижений древние вершины Гималаев. Счастье улыбнулось Рерихам: в верховьях «долины 360 богов» у раджи Манди был выкуплен участок земли с двухэтажным жилым домом, а выше по склону — еще одна площадка

³¹ См., напр.: Биологический энциклопедический словарь. М., 1986. С. 946, 702в, 703а.

³² Н.К. Рерих датирует Центрально-Азиатскую экспедицию с 1923 года (с путешествия на Цейлон) по 1928 год. См.: Рерих Н.К. Алтай—Гималаи. Рига, 1992. — Прим. ред.

³³ Естественнонаучные результаты ее требуют дальнейшего обстоятельного научного изучения и здесь не рассматриваются.

³⁴ Беликов П.Ф. Святослав Рерих. Жизнь и творчество. С. 81.

³⁵ См.: Философские тексты «Махабхараты». Вып. 1. Кн. 1. Бхагавадгита. Пер. с санскрита, предисловие, примечания и толковый словарь Б.Л. Смирнова. Ашхабад, 1978.

с постройками, которые после реконструкции можно было отвести для нужд института³⁶. Дом располагался и стоит поныне там же, на высоте свыше 2000 м над уровнем моря. Институт, соответственно, еще метров на 300 выше.

В январе 1929 года Рерихи справили новоселье в новом доме в Наггаре, ставшем для них постоянным пристанищем на долгие годы, а для Николая Константиновича Рериха — последним приютом. Здесь, ниже по склону неподалеку от дома, в синеве неба и белоснежных вершин Гималайских гор, окружающих долину Кулу, в 1947 г. по древнеиндийскому обычаю самадхи было предано огню тело «русского Махариши».

«Зов беспредельности, глас бытия...»

Институт «Урусвати» и долина Кулу неразрывны. Трудно представить «горное гнездо» Рерихов в другом месте. Они слиты в единое целое незримым Духом Вечности, о котором писал Н.К. Рерих: «Величайший учитель всего живого — Природа — для любящих и понимающих ее учеников не скупилась в долине Кулу на натуру... Особая же атмосфера горного мира озаряла все это космическим величием вечного и беспредельного бытия, в котором свет далеких звезд переликается с человеческой мыслью»³⁷.

³⁶ Беликов П.Ф. Святослав Рерих. Жизнь и творчество. С. 83.

³⁷ Там же. С. 89.

Интродуцированные С.Н. Рерихом в долину Кулу в начале 1930-х гг. лиственные деревья и кустарники спустя три четверти века формируют культурный ландшафт Гималаев. Фото автора, ноябрь 2004 г.

Эту переключку мысли, Духа и Природы среди «величия вечного и беспредельного бытия» все вместивших в себя Гималаев чувствует, наверное, каждый, кто впервые попадает в верховья долины Кулу и ступает на дорогу, прежде — горную тропу, идущую к Дому, а от него — еще выше, к постройкам «Урусвати», окруженным вековыми гималайскими кедрами и елями... Может быть, это чувство сопричастности Вечному и рождало тот творческий порыв, то устремление к Будущему, — будущей одухотворенной науке, истории и культуре, который несли в себе создатели «Урусвати» и который позволил им в небывало короткие сроки создать в Гималаях действующий научно-культурный центр нового типа.

Когда знакомишься с трудами института, поражает прежде всего глубоко продуманная его структура. Ничего лишнего, словно резец невидимого скульптора отсек все ненужное, мешающее «свободному проявлению научной мысли свободной личности», — как говорил В.И. Вернадский.

В первый же год (1929—1930) в «Урусвати» было создано два отдела (департамент), — отдел археологии, родственных наук (related sciences) и искусств и отдел естественных наук и прикладных исследований. Работали научно-исследовательская библиотека и дом-музей коллекций института. Всей организационной деятельностью руководит штаб-квартира во главе с директором и секретарем института.

Практическая работа осуществляется через экспедиции, которыми руководят крупные ученые. В частности, всеми ботаническими работами и сборами гербариев и коллекций в первые два года руководил профессор Мичиганского университета Вальтер Кельц. Финансирование экспедиций осуществлялось Музеем Николая Рериха в Нью-Йорке и, по-видимому, организациями-заказчиками, для которых в Гималаях собирались семена и образцы растений. Только за первый год работы было собрано и передано:

— в гербарий Мичиганского университета — около 3000 образцов, представленных 1500

Высокогорные растения Гималаев: красная смородина (растет до высоты 4500 м), генетический предок культурной смородины; высокогорная камнеломка (плато Чантанг). Фонды Института «Урусвати». Фото автора, ноябрь 2004 г.

видами растений, а также энтомологическая коллекция;

— Нью-Йоркскому ботаническому саду — то же количество, а также коллекция семян;

— Национальному музею естественной истории в Париже — около 2000 растений, представленных около 1200 разновидностями, также коллекция семян;

— Бюро иностранных семян и интродуцирования растений Департамента сельского хозяйства США, Вашингтон, — коллекция семян.

В последующие годы строятся Биохимическая лаборатория и Лаборатория органики и фармакологии, а затем — и Физическая лаборатория³⁸. Производятся анализы крови на раковые заболевания. Лаборатории по тем временам были оснащены хорошим лабораторным оборудованием. Ведется селекционная работа. В разные научные учреждения рассылаются тысячи растений, десятки пакетов семян, орнитологические и энтомологические коллекции, образцы минералов. Так, Музеем Института «Урусвати» в Нью-Йорке С.Н. Рерих подарил свои коллекции бабочек из Сиккима (808 видов!) и обширную минералогическую коллекцию. Институт пополняет свою библиотеку и обменивается печатными материалами с более чем 100 научными учреждениями. Каждый номер трудов «Урусвати» посвящен выдающимся исследователям, активно сотрудничав-

³⁸ См. Journal of Urusvati Himalayan research Institute. Vol. 1—3. 1931—1933. Vedas reprint: 2003, New Delhi.

шим с институтом. В частности, второй том посвящен Нобелевскому лауреату физике Альберту Майкельсону. После его кончины в 1932 г. была организована экспедиция по изучению космических лучей в районе высокогорий Ладака.

Как один из создателей и руководителей отдела естественных наук института, С.Н. Рерих принимает в его работе деятельное участие. Но он главным образом ведет большую самостоятельную исследовательскую работу по изучению условий интродуцирования лекарственных и других полезных растений в другие страны, в частности в США. У него завязывается переписка с Н.И. Вавиловым, который высоко оценивает усилия С.Н. Рериха в изучении растений Тибета и высокогорных Гималаев как центров редкой флоры, полезной для сельскохозяйственного использования. Вавилов посылает Рериху свои труды и получает от С.Н. Рериха семена редких растений, которые передает «по назначению» в созданную им знаменитую коллекцию мирового генофонда растений. Но арест и гибель Н.И. Вавилова в саратовской тюрьме разорвали это сотрудничество двух русских естествоиспытателей.

Когда знакомишься с постановкой С.Н. Рерихом экологических опытов в Кулу (до сих пор сохранились сделанные им террасы и площадки на склонах для плантаций, остатки теплиц), вчитываешься в его письма и статьи и постигаешь его великие замыслы, приходит чувство удивления и благоговения перед величием духа этого большого человека, его прозорливостью и неутомимым подвижническим трудом. Это подвижничество в основе заключало великую и осознанную им цель:

«Живем мы здесь, как обычно, — пишет в разгар работы “Урусвати” и своей собственной С.Н. Рерих, — работаем, собираем материал, который со временем послужит на пользу человечеству»³⁹.

Посланный трудами семьи Рерихов и их сподвижников «Свет Утренней Звезды» — свет Института «Урусвати» будет светить в разных уголках Земли, а труды его и принципы организации новой комплексной науки — изучаться новыми поколениями исследователей. Предпринятая С.Н. Рерихом в последнее десятилетие его жизни попытка глобального естественнонаучного синтеза путем создания биосферной станции в Кулу, затем дополненная академиком А.Л. Яншиным до сети биосферных станций в Азии, включая и станцию в «Урусвати», не потеряла своей научной и практической актуальности и в наше время, ждет своего организационного и научного воплощения в жизнь⁴⁰.

Чтобы охватить все стороны деятельности С.Н. Рериха как естествоиспытателя, входящего в плеяду крупных ученых-натуралистов, и «написать об этом истинно», нужно начать систематическое историко-научное исследование его творчества. Но только методами науки невозможно охватить его многогранную сложную личность подлинного творца — и в естественнонаучном знании, и в искусстве. В личности С.Н. Рериха, возможно, осуществился тот редкий в истории науки и истории культуры синтез, когда логическое, рациональное начало науки и духовное, иррациональное начало искусства сливаются в неделимое и образуют великую космическую Целостность Жизни, о которой он говорил нам в Москве незадолго до кончины⁴¹.

Приступая к изучению естественноисторической компоненты творчества и личности С.Н. Рериха, мы не должны допустить той грубейшей ошибки, которая подстерегает каждого исследователя и уже проявляется в ряде высказываний, делающая само такое исследование лишенным смысла и попросту нелепым. Нельзя дробить целое и цельное, — а именно такой нам видится личность Святослава Николаевича, — иными словами, говоря конкретно, недопустимо сводить естественнонаучные устремления С.Н. Рериха лишь к изучению трав, лекарственных и нелекарственных, или того же мускуса, о котором мы писали, или деревьев-эфироносиков, промышленную плантацию которых он основал в своем имении близ Бангалора. Нам здесь хотелось показать и доказать имеющимися пока еще скудными средствами, что в основе стремления к естественнонаучному знанию таких высокоодаренных натур, как С.Н. Рерих, лежит могучая Первопричина, неиссякаемый Первоисточник — чувство Природы, высокое *духовное* чувство, охватывающее человека целиком и служащее мощным побудительным мотивом его творчества. Творчества целостного, нераздельного, и научного и художественного. Мне бы хотелось в подтверждение этой мысли, положенной в основу данной работы, привести прекрасные, полные глубокого смысла слова Святослава Николаевича, сказанные им о неразрывности духовных ценностей и чувства природы (любви к природе):

«Духовные ценности стали для меня великими путевыми вехами, источником вдохновения и устремления. У меня всегда была любовь к природе, постоянные контакты с ее изумительным, захватывающим дыханием миром»⁴².

³⁹ Письмо С.Н. Рериха Г.Г. Шкляверу 19 апреля 1934 г. / Рерих С.Н. Письма. Т. 1. С. 52.

⁴⁰ Письма А.Л. Яншина С.Н. Рериху. Май 1982 г. Оригинал. Личный фонд академика А.Л. Яншина. Научный архив ИИЕТ РАН.

⁴¹ См.: Назаров А.Г. Рерих-естествоиспытатель / Воспоминания о С.Н. Рерихе. М., 2004. С. 107—113.

⁴² Рерих С.Н. Стремиться к Прекрасному. С. 61.

С.Н. Рерих осматривает цветки вишни из числа высаженных им интродуцированных плодовых деревьев в верховьях долины Кулу. Фонды Отдела рукописей МЦР ▶